

VI Международная Богословская конференция
Русской Православной Церкви

Жизнь во Христе: христианская нравственность,
аскетическое предание Церкви и вызовы современной эпохи

К. Б. Сигов

(НаУ "Киево-Могилянская Академия")

ЭТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОБЩЕНИЯ И ПОНЯТИЕ «ПРАВДА»

Преломление христианской нравственности в словарях различных языков составляет общий «тезаурус» (сокровищницу) всех языков и народов. Свою лепту в общий тезаурус вносит русское понятие «правда», во многом структурирующее значения других понятий этического поля общения. В их ряду словарь В. Даля особо подчеркивает «правдивость как полное согласие слова и дела».

Слово правда вопреки однозначному характеру эквивалентов, при помощи которых его переводят – *verité, truth, Wahrheit* – означает не только истину, но и справедливость. Акцент падает прежде всего на второе значение при рассмотрении слов однокоренных правде – право, справедливость, правосудие. Но концепт правды не является омонимом: его смысл сопротивляется полному размежеванию понятий истина и справедливость (теория и практика). Понятие «правда» не употребляется в естественных науках.

Славянское слово «правда» соответствует греческому *dikaiosunē* и латинскому *justitia*. Оно образовано от славянского корня прав, «прямой, правый» (Фасмер, 1996, с. 352). Наиболее вероятная этимологическая версия относит *prav* к индо-европейскому *prō-vo-*, родственного латинскому *probus*, «добрый, честный, порядочный» (*pro-bus*), др.-индийскому *prabhū* «выдающийся, превосходящий», англосаксонск. *fram* «сильный, деятельный, смелый». В старославянском, болгарском, украинском и русском языках первое значение «правды» – справедливость, второе – истина; сербохорватская «п^ра^вда» – тяжба, процесс, словенская «p^rā^vda» – положение, закон, судебное дело, аналогичны коннотации чехо-словацкого «pravda» и польского *prawda*. Современное слово праведник восходит к старославянскому и соответствует греч. *dikaios, agios, martis Xristou*. Антониму «неправда» соответствуют *adikia, anomia, injustice*.

По логике вещей слову правда принадлежит центральное место в философском словаре языка, которому оно принадлежит. Но пытаясь найти статью о правде в «Философской энциклопедии» опубликованной в 5 томах в СССР, сталкиваешься с ее отсутствием. Почему? Это молчание – дистанцирование от всеговорящего заглавия газеты «Правда» – помещает идеологические резоны, обстоятельства места, времени и цензуры в контекст классических тем нравственной философии и богословия.

Историк и философ Георгий Федотов в эмиграции в Америке после II мировой войны пояснял: “The Russian word *pravda* is particularly rich in meaning; “justice”, “righteousness”, and even “truth” can be expressed by this term. And one encounters it indeed in its opposite *npravda* (injustice) at every step in the annalistic account of interprincely relations...” (vol.II, p.171)

Переводы не изменяют смыслу слова, когда правда соответствует греческому *dikaiosune* Септуагинты или *dike* Гераклита и Софокла (*Dike* – правда Антигоны). Классические формулы, такие как «солнце правды» -- *sol justitiae* – отражают

традиционную этико-космологическую аналогию. Её суть выражает принцип: «мир стоит праведниками».

Нарушение синтеза *praxis+kosmos* после «коперниканской революции» колеблет семантическую стабильность «правды». Особенно ее вошедший в поговорку практический характер. В словаре Даля правда определена как «истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость». В примерах, приводимых Далем, акцент отчетливо падает на активное участие и акт как таковой: «творите суд и правду». «Стоять за правду». «Жить по правде». Многочисленные поговорки этого ряда, продолжают жить в современном языке, отсылая к традиционным словосочетаниям, запечатлевшим длительное влияние раннего перевода литургии, Псалмов и Писания на славянский язык – дело св. Кирилла и Мефодия в IX в. (ср. хронологию аналогичных переводов с латыни на «вернакулярные» языки на Западе).

Р. Якобсон и Н. Трубецкой в XX веке раскрывают основополагающую роль лингвистического и литургического творчества Кирилла и Мефодия в создании словаря основных славянских понятий. Их герменевтика эксплицитно развернута на дискуссии в Венеции в 867г. по поводу «трехъязычной ереси» – обвинения славянского перевода в нарушении сакральной привилегии трех литургических «непереводимых» языков: еврейского, греческого, латыни. В конкретном случае слова правда его литургическое употребление сохранило для языка Достоевского и Пастернака традиционные слои семантики, исчезающие при переводах «секулярными» *justice* и *verité*.

Развитие семантики «правды» происходит вне систематического и непосредственного влияния римского права. Ее рамки не фиксированы в сетке кодифицированных понятий — тем самым отсутствует ряд препятствий для радикальной проблематизации ее отношений с собственно юридической стороной. Но об исходной значимости этих отношений неопровержимо свидетельствует история: правда — ключевое понятие местного права, дающее название древнейшему у восточных славян письменному своду законов «Русская правда» (XI в.). Модернизация словаря правосудия в Новое время модифицирует семантику «правды», не отменяя ее правового значения, но скорее закрепляя его высший статус. Петр Великий, параллельно с заказом Лейбницу составить систему социальной классификации в империи (табель о рангах), велит Феофану Прокоповичу законодательно закрепить абсолютную власть императора в документе «Правда воли монаршей» (1772, в тексте прямое влияние Гоббса и Пуфендорфа). Переводима ли в данном заглавии «правда» концептом «легитимность»? Такой перевод будет не раз оспорен. В ответ на абсолютистскую версию резкой рационализации права последует не менее резкая и рационалистическая реакция русских якобинцев во главе с полковником Пестелем (повешенным в 1825), который озаглавит свою Конституцию «Русская правда». Но переводима ли тут «правда» концептом «конституция»? На этот исторический вопрос безуспешные попытки конституционных ограничений монаршей «правды» вплоть до революции 1905г. ответили негативно. Такого типа вопросы не сводят философско-филологические проблемы перевода к историко-политическим ставкам. Релятивизируя представление о неизменной сущности слова «правда», мы открываем его скрытые теперь семантические измерения, которые остались неосуществленными возможностями. Непереводимые сегодня, они представлялись шансами переводов в сети европейских идиом; но ход революций распорядился иначе. Во всяком случае, против нынешнего массивного забвения, важно подчеркнуть: исходное правовое значение слова «правда» проходит через все перепитии вплоть до систематического уничтожения и смещения Революцией октября 1917г. правовых институций Старого Режима и старых лингвистических репрезентаций справедливости.

*** **

В наше время тревога о банкротстве или кредитоспособности европейских «sources of the self» (С. Taylor) связана с отчуждением моральной максимы от Личности. Аргумент трактата В.Соловьева «Оправдание добра» был направлен на раскрытие в правде сопряжения свободы гражданской (права) и свободы совести (морали). Против юридического нигилизма Толстого Соловьев утверждает о правде: «вот термин, в котором одном воплощается существенное единство юридического и нравственного начал. На всех языках нравственные и юридические понятия выражаются словами или одинаковыми, или производными от одного корня <...> dike и dikaiosune, jus и justitia как русское «право» и «правда», нем. Recht и Gerechtigkeit, англ. right и righteousness различают эти два слова только приставками; ср. также еврейское це'дек и ц'дака'» (1988, с.447). Соловьев определяет правду «как должное отношение ко всему» (с.205) – универсальный принцип его философской системы, его Тезауруса.

Соловьев переводит на французский в своей книге «L'Ideé russe» суждение одного славянофила о превращении церковного управления в один из департаментов государственного аппарата: «A l'idéal d'un gouvernement (pravlenie, pravda interieure) vraiment spirituel on substitue celui d'un ordre (pravda) purment formel et exterieur» (p.91). Почему Соловьев переводит правду через ordre? Трудность перевода здесь упирается, в частности, в несовпадение двух разграничений: между внешней правдой и внутренней правдой по-русски, и между justice-институцией и justice-добродетелью по-французски. Крупнейший из последователей Соловьева Семен Франк в написанной по-немецки статье «Русское мировоззрение» (1925) подчеркнет: «В русском языке существует очень характерное слово, которое играет чрезвычайно большую роль во всем строе русской мысли – от народного мышления до творческого гения. Это неперебиваемое слово правда, которое одновременно означает и истину и моральное и естественное право – так же как и в немецком языке слово «richtig» означает нечто теоретически и практически соответствующее или адекватное».

*** **

В Новое время “непереводимость” слова правда связана с разделением между “vita activa” и “vita contemplativa” (Н. Arendt). Изобретение «технологии» (концепта и феномена как показывает А. Коурé) обусловлено тем, что на смену парадигме дивергенции «техне» и «эпистеме» у Платона и Аристотеля приходит парадигма их конвергенции у Декарта и Бэкона. Аксиоматику «практической философии» и ее базовых концептов трансформирует технологический «практицизм» как решающий критерий научных теорий или идеологический доктрин. Опора на такое технологическое изобретение как пресса открывает путь для политической инструментализации «Правды».

После двух «Критик» Канта, в которых радикально разграничены «теоретический разум» и «разум практический» в европейской философии выделяются три пути их синтеза: эстетико-антропологический (Шиллер), политико-спекулятивный (Гегель), социо-исторический (Маркс).

а) Эстетический синтез русских шиллерианцев стремится объединить практическое Добро и теоретическую Истину в понятии Правда: такова специфика «вести» русского романа и таков лейтмотив литературной и социальной критики (поверх различий консерваторов и революционеров). В анналы радикальной интеллигенции входит формулировка этой идеи Н. К. Михайловским: «всякий раз,

как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной внутренней красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются только одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое...»

б) Политический синтез славянских гегелианцев стремится объединить истину и справедливость в концепте государства. Но если для Германии характерно определение государства через философию права (Recht), то для России – через философию правды (legitimité-justice). Короткое замыкание концепта «государства» с концептом «правда» характеризует утопию правых гегелианцев. Например, идеологи евразийства теоретизируют этатизацию правды. Евразийский историк М. Шахматов завершает в 1921 г. работу «Государство правды (опыт по истории государственных идеалов в России)» диагнозом: «Современная Европа отошла от «государства правды». Некоторые его элементы сохранились разве лишь в Англии, где не совсем еще отделены религия и право, право и нравственность». Диагностика этого типа смешивает два порядка «непереводимостей». Во-первых, рационализация юриспруденции различных традиций Европы не сделала идентичными понятия pravda/recht/droit/law (отсюда ссылка на «традиционную» Англию, cf. law-right). Во-вторых, в рамках самой русской идиомы не удастся перевод Правды в юридические термины, детерминируемые на континенте диссоциацией религии, морали и права, особенно – силы и права.

с) «Единство теории и практики», декларируемое марксизмом-ленинизмом – главная причина его успеха на континенте, тщетно ищущем указанное единство. Маркс возвращает в центр философии концепт Аристотеля *praxis*, переориентируя его на «технологию истории». Марксизм сулит интеллигентность политического действия в настоящем и исторической теории в прошлом и будущем для всего человечества и заменяет Библию в библиотеках интеллигенции. Но при этом библейское понятие «правда», с забытыми эсхатологическими обещаниями, остается для русской интеллигенции символом нового синтеза. Его критикуют после революции 1905 разорвавшие с марксизмом Н. Бердяев, П. Струве, С. Булгаков, С. Франк и др. «Интеллигентской правде» Бердяев противопоставляет «философскую истину» и призывает к поиску иного синтеза, «синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, «правды-истины» и «правды-справедливости». (Бердяев, 1909, с.29).

Но согласно пессимистическому анализу Льва Шестова, правда безоружна перед экспансией Утопии – системы сверхтеоретических ответов на сверхпрактические вопросы.

*** **

Со времен Сен-Симона и Фурье словосочетание «justice (правда) sociale» входит в широкий оборот в России. Столетие развития русской революции сообщит здесь как социальной идее, так и ее лексической форме гипернасыщенность, отсутствующую в западных источниках. Слово правда, уже и без определения «социальная», приобретает резкий социальный взрывной акцент. Акцент-вызов старому семантическому строю. Этот акцент легко различим в работах Достоевского эпохи его фурьеристской молодости; он существенно перемещается, но не исчезает бесследно в его поздних работах — предостережениях против революционной одержимости. Вокруг слова «правда» разворачивается ткань (мета)юридических процессов «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых». Правда — ось «Пушкинской речи» (1880), рассматриваемой как интеллектуальное завещание Достоевского (цитатой из нее начинается, например, «Европейский нигилизм»

Хайдеггера). Учитывая все семантическое обогащение этого понятия, было бы уже недопустимой редукцией делать обратный перевод «правды» на французский, прибегая к исходному концепту «justice sociale». Но и перевод «правды» как *verite* (версия, опубликованная в «Плеядах») — пример «непереводимости», лишаящей читателя всей перекрестной референции поисков «справедливости» во Франции и России (франкофонная русская интеллигенция скрещивает французские идеи и церковно-славянскую лексику).

*** **

Неправда – ключевое слово для характеристики преступного режима, систематически фальсифицирующего свой «новояз». G. Orwell в «1984» глубоко описывает фундаментальную связь между тоталитарной Неправдой и террором против традиционных «непереводимостей» вкупе с формальной логикой (на фасаде Министерства Правды лозунг: «Война – это мир»). Путь к социальному беззаконию лежит через семантическую мутацию словаря. Разрыв между однокоренными словами «право» и «правда» — результат активности советского «new speak». В XX в. исчезают из словарей указания на исходное значение «неправды» – преступление, нарушение закона, фиксируемые еще словарями конца XIX в. Словарь Даля (1881г.) говорит так о неправде: «всякая незаконность, дело противное совести, притеснение, обида, кривосуд, неправый приговор <...>. Латинские эквиваленты: *injuria, injustum, improbitas, inaequitas*» Но перед этим коренным слоем значений здесь отмечено о «неправде» и «правде»: «слова эти искажены в значении своем почти в нашу память, сделавшись однословами с выражениями ложь и истина <...> Но исходно истина относится только до понятий умственных, правда – до качеств нравственных, почему и первое уложение наше, законы правосудия, назывались “Русскою правдою” (том II, с.529). Здесь указан определенный исторический этап рационализации “правды”, разрыв её связи с правовой и нравственной сферами; эта связь существенно ослаблена, но еще различима в употреблении ее антонима. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона (т. XXV, 1898г.) в статье «Преступное деяние» ставит знак равенства между преступлением и «неправдой», специфицируя виды юридической неправды – неправда уголовная и гражданская. Советские словари полностью отбросят юридическое значение неправды, а моральную тяжесть «неправды» сведут к минимуму. За крайним сужением значения слова в словарях стоит крайнее расширение самого феномена «неправды» в преступном государстве.

*** **

Отказ от участия в систематически организуемой «общей неправде» (втягивании всех в общее преступление и общую ответственность) – первоначальный жест философии изгнания Георгия Федотова. В античную и новую тему выхода из тоталитарной «пещеры» Г.Федотов вносит особый топологический акцент «изгнания за правду»: «Легко быть изгнанным за правду; но трудно за правду жить в изгнании. Правда – не статуи богов, которые можно унести с собой из горячей Трои. Она должна быть постоянно оживляема, заново переживаема в сердце и сознании. Иначе она мертвеет, оставляя лишь шелуху старых слов» (1935). Как отвечать на дискредитацию таких больших слов как свобода, демократия, равенство, справедливость в Европе между мировыми войнами? Возможный трудный ответ – изгнание как поступок и как предмет рефлексии, как особый исторический феномен «перемещенных лиц» в XX в. Х.Арендт в «Истоках тоталитаризма» высоко оценит мысль Г.Федотова; его либеральную философию и критику «псевдоправды» в СССР развивают в Америке М.Карпович, М.Малия. Для

традиции либералов определяющим является восстановление ключевой связи свободы и правды (после их развода в марксизме-ленинизме), пускай ценой изгнания. Федотов анализирует актуальную историческую конкретизацию парадоксального евангельского ободрения «гонимым за правду». «Изгнанные» и «гонимые» – по-русски слова одного корня. Одной природы и две эмиграции – «внешняя» и «внутренняя». Топология внешне выраженного, очевидного изгнания раскрывает вовне, дает шанс явить миру вытесняемый из поля зрения обширный архипелаг «внутреннего изгнания». Его реальность отвергают идеологи Нового Режима и списывают со счетов западные антикоммунисты. В обоих случаях общая данность *tabula rasa* Революции принимается буквально. Федотов деконструирует это базовое а priori спора о коммунизме. Вместо обсуждения тезисов проецируемых на «чистую доску» 1/6 территории планеты, философ опознает в ней палимпсест и трудится над истолкованием стертых строк и значений. Последователи Гегеля, правые и левые (А.Кожев, Д.Лукач), следят за ходом Абсолюта в истории по коллективным письмам в «Правде»; а Федотов вчитывается в «стертую» молчаливую судьбу тех, кто не поставил требуемую партией подпись, вычеркнул свое имя из исторической «номенклатуры», лишил свою семью всякого места под солнцем Человечества. Строгое разграничение между концептом «смысл истории» и концептом «правда» предоставляет право прибежища тем, кого стерла история победителей. «Правда побежденных» – заглавие программной статьи 1933г., в которой Г.Федотов противопоставляет две альтернативных философии истории – «гегелевскую» и «августинианскую». Труд по переосмыслению второй движим аксиомой – малейшие движения к добру или злу неизгладимы. Гостеприимство по отношению к тем, кому нет места ни в политической системе, ни в системе идеалистической, разворачивается у Федотова в герменевтике палимпсеста: «о бессильных ныне и скрывающихся по «пещерам и ущельям» советской жизни, о тех, голос которых не доходит до нас, но которых, поистине, не только Россия, но и «весь мир недостоин»; и на них, неизвестных, с полным сознанием риска поставим свою ставку: ставку Паскаля, ставку веры, – ставку, без которой не для кого незачем жить». («Тяжба о России», Paris, 1936, с.313).

Осип Мандельштам во внутренней эмиграции свяжет опыт изгнания за правду с топологическим анализом «Ада» Данте. В слове правдо-любие (*philo-dicée*) раскрывается матрица смысла, аналогичная той, которую Эмиль Бенвенист опишет в связке между *philos* и *xenos*. Парадигматический пример правдолюбия даст радикальное гостеприимство семьи Глаголевых в 1941 в Киеве ради спасения еврейской семьи от расстрела нацистами: гостям предоставляется свой кров, свой паспорт, свое имя (см. важный документ эпохи: Отец Алексей Глаголев, «За други своя», Новый мир, №10, 1991).

В американском переводе Большой Советской Энциклопедии в 35 томах – среди базовых словарей человечества уникальном инструменте и памятнике эпохи «Холодной войны» – «Правде» дан эквивалент *Truth*. Не упомянуты ни *justice*, ни *right*, ни *righteousness*. Мнимый перевод мнимой статьи о газете №1 на планете – вершина айсберга «лжи в алфавитном порядке» (определение этой Энциклопедии британцами).

Данному полюсу фальсификации словаря противостоит упомянутое отсутствие какой бы то ни было статьи «Правда» в пятитомной Философской Энциклопедии. Фигура умолчания была выразительнейшим жестом и знаком о положении концепта-заложенника в послесталинском словаре. Пробел вместо статьи «правда» в Философской Энциклопедии прочитывался не как лакуна в авторитарном Тексте, но как его прорыв и манифестация того палимпсеста правды, о котором Г.Федотов в изгнании в Париже держал паскалевское пари.

Парадокс правды не ограничивается сопряжением справедливости и истины в одном слове. Правда предшествует разделению на практическое/теоретическое. Но современная поляризация практицизма и теоретизма формирует дискурс, на который правда непереводаема. Сопротивление переводу – знак неисчерпаемости правды концептами, ее «непостижимости», отсылающей к философской традиции *docta ignorantia*. В трактате «Непостижимое» (Paris, 1939) Семен Франк раскрывает связь правды с этой традицией, восходящей через Николая Кузанского к Ареопатикам. Апофатический горизонт правды здесь сочетается с Сократовским значением своего незнания. Правду описывает классическая формула: «через посредство недостижения мы достигаем недостижимого» (*inattigibile inattigibiliter attingitur*). Критика границ перевода здесь переходит в устойчивый модус постижения непереводаемого: «Мы не можем говорить о высшей правде, высказать ее саму в наших понятиях – но только потому, что она сама – молча говорит о себе, себя высказывает и открывает; и это ее собственное самооткровение мы не имеем ни права, ни возможности выразить сполна нашей мыслью; мы должны умолкнуть перед величием самой правды» (1990, с.313).

Гегель характеризовал современную цивилизацию как образ жизни, в котором утреннюю молитву подменила утренняя газета; «Правда» в XX в. силилась осуществить предельные практические выводы такой подмены или «коммуникативной революции».

Интерпретаторам посткоммунистического и постатеистического мира проблема непереводаемости ключевого концепта подсказывает рабочую гипотезу: не тотализировать «тоталитарную систему», не дедуцировать смысл правды из концепта «тоталитаризм», но обратить перспективу – ставить вопросы о глобализации истории и фрагментации политики, о проектах возможности новых взаимоотношений теории и практики исходя из парадокса правды, приоткрывающей общие истоки *vita contemplativa* и *vita activa*. Такое переосмысление затрагивает и другие понятия словаря практической философии, ее тезаурус – горизонт этического поля общения.

Библиография:

1. ARENDT Hannah, *Condition de l'homme moderne*, Calman-Levy, 1994.
2. АБЕРИНЦЕВ Сергей, *София-логос. Словарь*, Киев, Дух и Литера, 2000.
3. БАХТИН Михаил, К философии поступка, в книге «Философия и социология науки и техники», Москва, 1986.
4. БЕРДЯЕВ Николай, *Философская истина и интеллигентская правда*, в книге «Вехи. Из глубины», Москва, Правда, 1991.
5. БЕРДЯЕВ Николай, *Истоки и смысл русского коммунизма*, Москва, Наука, 1990; (репринт издания YMCA-PRESS, Париж, 1955).
6. Отец Александр ГЛАГОЛЕВ, «За други своя»: *Купина неопалимая*, Киев, 2002, с.202-226.
7. «ПРАВДА», Толковый словарь В. Даля on-line: [<http://vidahl.agava.ru/P173.HTM#31976>]
8. BONNEFOY Yves, *L'Obstination de Chestov*, preface in: Chestov L., *Athènes et Jerusalem*, Aubier, Paris, 1993.

К. Б. СИГОВ: Этическое поле общения и понятие «правда»

9. ШЕСТОВ Лев, Достоевский & Ницше. Философия трагедии, Берлин, 1922.
10. ФАСМЕР Макс, Этимологический словарь русского языка, т.3, [Dictionnaire étymologique de la langue russe.] Москва, 1996.
11. FEDOTOV George, The Russian Religious Mind (II). The Middle Ages, The 13th and the 15th Centuries, ed., Foreword J.Meyendorff, Harvard University Press, 1966.
12. ФРАНК Семен, Непостижимое, Москва, Правда, 1990.
13. Great Soviet Encyclopedia, Pravda in vol.20, MacMillan inc., New York, London, 1979.
14. MALIA Martin, Russia under Western Eyes. From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum, Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 1999.
15. SIGOV Constantin, Au-delà de l'opposition Tabula rasa/Thesaurus,-in Cahiers du monde russe. Ed.EHESS, 1994.
16. СОЛОВЬЕВ Владимир, Оправдание добра. Нравственная философия, Москва, Мысль, 1988.
17. SOLOVIEV Vladimir, La Sophia et les autres écrits français, Editions L'Age d'Homme, France, 1981.
18. TCHYJEWSKYI Dmitri, Hegel in Russland, Paris, 1939.
19. WALICKI A., Legal philosophies of Russian liberalism, Oxford, 1985.